

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Декабрь 1902 года.

ИЗВѢЩЕНІЕ

объ образованіи „ОРГАНІЗАЦІОННАГО КОМІТЕТА“

Четверть века тому назад, несколько русских социал-демократических организаций объединились в «Русскую Социал-демократическую Рабочую Партию», выработав некоторые общие принципы организации и общие принципы деятельности, изложенные в изданном партией «Манифесте». К сожалению, эта первая попытка не увенчалась успехом: не было еще ни лично необходимых элементов для создания единой, сильной социал-демократической партии, борющейся решительно за освобождение пролетариата от всяких видов угнетения и эксплуатации. С одной стороны, самые формалистические элементы русской социал-демократии еще только складывались; недавно выступившая на путь борьбы демократия еще искала путей для наилучшего проведения своих теоретических взглядов, она шла еще робкими и неуверенными шагами. Лежащее же основание деятельности рабочего движения, вылившееся в грандиозные стачки, только что исполнило свой ярким блеском, который ослеплял глаза многих, затмив для них столь ясные и определенные задачи и цели революционной социал-демократии, заставляя уходить узко-профессиональной борьбой. С другой стороны, непрерывная репрессия правительства, обрушившаяся на социал-демократические организации, еще не окрепшая, еще не успевшая пустить прочных корней, разрушала всякую преемственность, уничтожала всякую традицию в деятельности

Однако, эта неудавшаяся попытка не прошла бесследно. Сама идея организации политической партии пролетариата, руководимой нашими предшественниками, стала с тех пор путеводной звездой и желанной целью всех сознательных соц.-демократических деятелей. В течение этих четырех лет делались неоднократные попытки осуществить эту заветную нашу первыми соц.-демократическими деятелями идею. Но до сих пор мы все еще стоим перед нашей дезорганизованностью так же, как и четыре года тому назад.

А между тем жизнь предъявляет нам все большие и большие требования. Если первые деятели партии ставили перед собой задачу пробуждения дремлющих в рабочих масс революционных сил, то перед нами теперь горда более сложная задача — направить пробуждающиеся силы туда, куда нужно, стать во главе этих сил и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня-завтра услышать призывный клич: «Бедные массы, куда вы нас знаете! Идите за нами, за теми, кто знает, куда вы должны идти!» Мы стоим же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент. Пусть нам не говорят, что мы превращаемся серьезностью момента. Кто способен, а глядя на дальние поверхности реки, кто способен разглядеть совершенно в них глубины простоты, тот и способен нас превеличить.

Но серьезность положения усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаем знаменательный исторический момент. Пробуждение рабочего класса в связи с общим ходом русской жизни вызвало к дтятию такие различные общественные слои. С большей или меньшей сознательностью они стремятся сорганизоваться, чтобы так или иначе принять к борьбе с ожесточенным режимом. Въ добрый час! Социалдемократия может только приветствовать всякого примкнувшего к такой борьбе. Но она должна зорко следить за тѣмъ, чтобы подобные союзники не сдѣлали ее молотомъ въ своихъ рукахъ, не отодвинули ее отъ главной арены дѣятельности, не лишили ее руководящей роли въ борьбѣ съ самодержавіемъ и, главное, не повредили бы постулатному ходу революціонной борьбы, отклоняя ее отъ правильной пути. Что подобная опасность не пріарзаетъ воображенію — ясно для всякаго, внимательнаго къ сущаго за революціонной борьбой послѣднихъ лѣтъ

Итак, в настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам, никаким даже районным организациям. Как бы совершенны ни были местные организации, они не смогут справиться с этой задачей, ибо она уже переросла местные рамки. Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских социал-демократов, слюченных в одну централизованную дисциплинированную армию. Но кому же взять на себя инициативу объединения?

Вопрос этот обсуждался в прошлом году на конференции представителей: Петербургского Союза Борьбы, Центрального Комитета объединенных женских комитетов и организаций, организации "Искры", Центральных Комитетов (русского и заграничного) "Будда", Союзов Русских Социалдемократов заграничей и некоторых других организаций. Конференция эту можно было признать, как и все предыдущие, всероссийской образовательной, а не партийной, комитет, который вылез бы на себя задаток фактического установления Российской Социалдемократической Работы. Пагин.

Во исполнение этого постановления представители: Петербургского Союза Борьбы, организации „Искры“ и группы „Южного Рабочего“(*) образовали „Организационный Комитет“, который ставит своей первой и главной задачей по

*) „Бунду“ также было предложено прислать своего представителя в Организа. Комитет, но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на это приглашение. Надеясь, что причина этой была чисто случайная, в Бунд не замечать прислать своего представителя.

осуществления значительного времени, Организационный Комитет вправе до восстановления центральной организации частично брать на себя выполнение некоторых общепартийных функций (выпуск общепартийных листовок, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и прочее).

Само собою разумеется, что Организационный Комитет возникший по частной инициативе некоторых организаций находится во абсолютных отношениях только к тем организациям, которая его уже упомоличили или дали свою полноту. Для всех же прочих Комитетов и групп он представляет частную организацию, предлагающую и свою услугу.

Велика и ответственная задача, которую рѣшается ставить на себя Организационный Комитет, и если онъ все же жадно захочетъ сдѣлать это, то лишь потому, что сложность объединения слишкомъ настоятельна, разбросъ элементовъ деятельности слишкомъ разнообразенъ, а возможности для сближения и объединения слишкомъ ограничены. Приспавъ къ этому Организационный Комитетъ подаетъ, что успешность этой деятельности въ значительной степени будетъ обусловлена отношеніемъ къ нему социалдемократическихъ группъ, партій и организаций, и само это отношеніе будетъ для насъ критеріемъ того, насколько правильно оцѣнили онъ настоя-

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Печатано въ типографіи Організаціоннаго Комітета.

[illegible]

ЗНАЧЕНИЕ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ.

Всякий новый шаг, сделанный русскими пролетариатами на своем политическом развитии, вызывает все новые и новые споры по тактическим вопросам. Это естественно и очень хорошо. Естественно — потому что новые шаги рабочего движения служат для нас новыми «уроками жизни», а уроки жизни действительно требуют своего исследования. Хорошо — потому что тактические споры способствуют этому исследованию и тем самым избавляют нас, по крайней мере, от некоторых практических ошибок и от всяческих разочарований, неизбежно следующих за практическими ошибками. Пролетариат, как и всякий народ, не может учиться только на своем собственном опыте. Но, конечно, не следует еще разбегаться вперед. Чтобы не оказаться на чужаки, надо уметь замедлять и понимать.

О недавних ростовских событиях много и горячо спорят теперь русские революционеры. Мы от души радуемся, если спорам, но мы позволяем себе заметить, что иное дело судить о каком-нибудь общественном явлении, а иное дело судить по его поводу. Судаченье безопасно по самой природе слова. Оно не только ничего не выясняет, но, напротив, затеняет, даже и то, что было ясно с самого начала. Къ сожатию ростовских событияхъ многие именно не судятъ, а судачатъ, и это очень, очень жаль, ибо эти события заслуживаютъ самого серьезнаго вниманія.

Результаты студенческих являются, между прочим, таковыми, которые выглядят против нашего Движения. Эти обвинения подчас поставят на кончик языка, например, один „интеллигент“ (как будто весьма неинтеллигентный!) и прибавит (т. е. на основании собрания революционеров?) упрямство молодежи, а именно: „Молодежь не имеет ни малейшего понятия о молодости людей, живущих с революционными стремлениями на одно из первых собраний студенчества. Перед такими учениями можно не останавливаться. Всякий дальний революционер, всякий человек, который бы вступил в ряды революционеров, должен трудиться, как бы воевать, как бы бороться, как бы бороться, как бы бороться. Не есть обвинения, наводящие больше серьезности, чем истины.“

Некоторые сторонники политической агитации находят, что Донской Комитету лучше поступить, не воспользовавшись волнением ростовской рабочей массы для устройства демонстрации. А иные плывут так далеко, что приписывают ему, на этом основании, склонность к печальной памяти «экономизму». Перед этим обвинением нельзя не остановиться, так как оно не только несправедливо, но и способно постыдить ряд самых опасных тактических недоразумений.

Несправедливости его состоит в том, что оно совершенно невольно изображает дело. Демонстрация в Ростове была и притом очень величественная и необычайно продолжительная: началась в четверг, 7 ноября, и окончалась только в пятницу, 8 ноября. В Ростове, как и в Москве, состоялся огромный массовое собрание под открытым небом. Число участников этой величественной и необычайно продолжительной демонстрации, разумеется, не оставалось неизменным, но несмотря на все колебания оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысяч. Такими демонстраций у нас еще не было. В Ростове, как и в Москве, росло и усиливалось чувство досады и злости на историю нашего рабочего движения. Не признавая этого, мы должны тем не менее признать, что эти демонстрации могут также те, которые вообще не имеют значения и значения нашей галопирующей рабочей массы.

[illegible]

Колоссальная ростовская демонстрация „въ балкѣ“ не только представляетъ въ своей совокупности чрезвычайно внушительную демонстрацію, но и свидѣлствуетъ о томъ, что наша лѣвѣйшая агитація можетъ и должна войти теперь въ новую необходимую и плодотворную фазу.

До сих пор у нас в демонстрациях обывательское об-
ружничество по раздвинутости и отчужденности „героев“, со-
„толы“, которые были в одно и то же время и свидетелями
и причиной слабости нашего революционного движения. Герои
прожигались перед „толпой“, крича: „Долой самодержавие!“
малая красными флагами и, по крайней возможности, отбивавшая
от полицейских банкетов. „Толпа“ прислушивалась к „му-
тительным“ возгласам „героев“, читала надписи на красных
флагах, ботье или мейфе слабо возмущалась полицейскими
завтрашняя в ботье или мейфе громко выражала свое сочувствие
демонстрантам. Но дальше этого дело не шло или шло оче-
редко. Чаше всего „толпа“ оставалась сама по себе, а „герои“
сами по себе, и взаимного, чтобы это произошло, не было.
Вот почему, когда проходила демонстрация, наступал первый
серьезный недостаток со стороны толпы. А это проявляло
как сомнение в целесообразности демонстраций, так агитацию
иного средства. Они — или, по крайней мере, некоторые из
них, — говорили себе и другим: „стоит ли выходить
улицу для того, чтобы позорить самого непродумательного со-

Декабрь 1902 года.

ИЗВѢЩЕНІЕ

объ образованіи „ОРГАНИЗАЦІОННАГО КОМІТЕТА“

Четыре года тому назад нѣсколько русских соц.-демократическихъ организаций объединились въ „Россійскую Соц. демократическую Рабочую Партію“, выработавъ нѣкоторые

[illegible]

Однако, эта неудавшаяся попытка не прошла бесследно. Сама идея организации политической партии пролетариата, руководимой нациями предшественниками, стала с тех пор путеводной звездой и желанной цдыю всех сочувствующих соц.-демократическим деятелей. В течение этих четырех лет делались неоднократные попытки осуществить эту заветную мысль. Первыми соц.-демократическими деятелями идею. Но до сих пор мы все еще стоим перед этой деорганизованностью так же, как и четыре года тому назад.

А между тем жизнь предъявляет нам все большие и большие требования. Если первые деятели партии ставили перед собой задачу пробуждения спящих в рабочих массах революционных сил, то перед нами стоит гораздо более сложная задача — направить пробуждающихся туда, куда нужно, стать во главе этих сил и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня-завтра услышать приманый клич: «Ведите нас, куда вы нас везли!» и, страшно, если этот миг застанет нас врасплох, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент. Пусть нам не говорят, что мы преуменьшаем серьезность момента. Кто способен заглядывать дальше поверхности яви, кто способен распознавать совершающийся в глубини процесс, тот и заподозрит нас в преуменьшении.

Но серьезность положения усугубляется еще другим обстоятельством. Мы переживаем знаменательный исторический момент. Пробуждение рабочего класса в стране по общему ходу русской жизни вызвало бы деятельность различные общественные слои. С большей или меньшей сознательностью они стремятся сориентироваться, чтобы так или иначе примкнуть к борьбе с ожесточенными режимами. Въ добрый час! Социалдемократия может только приветствовать всякого примкнувшего к такой борьбе. Но она должна зорко следить за тем, чтобы по добные союзники не сдвинули ее молотом в своих руках — не отодвинули ее от главной арены деятельности, не лишили бы руководящей роли в борьбе с самодержавием и, главное, не повредили бы поступательному ходу революционной борьбы, открывшей ее от правильного пути. Что подобная опасность не угрожает воображению — ясно для всякого, внимательно следящего за революционной борьбой последних лет.

Итак, в настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам, никаким даже районным организациям. Как бы совершенны ни были местные организации, они не смогут справиться с этой задачей, ибо она уже переросла местные рамки. Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских социал-демократов, сплоченных в одну централизованную дисциплинированную армию. Но кому же взять на себя эту задачу?

Вопрос этот обсуждался в прошлом году на заседании Комитета Петербургского Союза. Члены Центрального Комитета объединились в комитеты по отраслям и организациям, организации «Искры», Центральные Комитеты (русского и иностранного), «Бунда», Союз русских Социал-демократов за границей и некоторые другие организации. Конференцией поручено было представить некоторым организациям образованное организационный комитет, который взял бы на себя задачу фактического объединения Российской Социал-демократической Работы. Паули.

Во исполнение этого постановления представители: Петербургского Союза Борьбы, организации „Искры“ и группы „Южного Рабочего“^(*) образовали „Организационный Комитет“, который ставит своей первой и главной задачей посылку делегатов для созыва партийного съезда.

готовку условий для созыва партийного съезда. Но ввиду того, что дело созыва съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления

осуществления значительного времени, Организационный Комитет впредь до восстановления центральной организации партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листовок, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.).

Самое большое разубеждение, что Организационный Комитет, возникший по частной инициативе некоторых организаций, находится в обязательных отношениях только к этим организациям, которая его уже уполномочили или дадут свои полномочия. Для всех же прочих Комитетов и групп он представляет частную организацию, предлагающую им свои услуги.

Великим и ответственным заданием, которому рвущется вступить в бой Организационный Комитет, и если он все же не сможет справиться с ним, то лишь потому, что необходимость объединения слишком настоятельна, раздробл. слишком велика, себя чувствовать, дальнейшая дезорганизрованность слишком угрожает общему делу. Присутствуя к деятельности. Организационный Комитет, подлагает, что успешность этой деятельности в значительной степени будет обуславливаться отношением к нему социалдемократических комитетов и организаций, и само это отношение будет для него критерием того, насколько правильно оценивал он настоящие моменты.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТЪ.

Печатано въ типографіи Організаціоннаго Комитета.

Заявление вновь образованных Организационного Комитета нашей партии достаточно ясно говорит само за себя, и нам нечего тратить много слов о важном значении сданного нами Объявления, восстановлении целостности партии — самая насущная наша, настоятельно требующая немедленного решения задача русских соц.-демократов. Эта задача очень трудна, потому что нам нужно не объединение нескольких кучек революционных настроений интеллигентов, но объединение всех русских рабочих и служащих, одних из которых составляют большинство в борьбе с широким классом населения. Нам нужно объединение на почве строгого принципиального единства, к которому должны сознательно и твердо прийти все их громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентных и рабочих, действующих в различных обстановках при различных условиях, прошедших разными самими различными путями к своим социал-демократическим убеждениям. Такое объединение можно не только decretовать, оно должно и может возникнуть органически, естественно, и тогда оно будет действительно систематичным и методичным, потопляющим и выработавшим тобы связать всей партией законченную и непрерывную работу, продолжать начатое, заканчивать и формально утверждать прочный фундамент для дальнейшей, более широкой работы. И мы особенно приветствуем поэтому взаимно осторожный и скромный приступ О. К. к своей работе. Препятствия ни на каких объективных основаниях не могут массово возникать у нас, так как О. К. организуются там, где нет еще своей собственной организации. Пусть же все русские соц.-демократы без исключения, комитеты и кружки, организации группы, люди, состоящие на действительной службе, и временно отставные (ссылные и т. п.) поспешат ответить на этот призыв, постараются завоевать непосредственным и живым сношением с О. К., примут самые энергичные образцы за активную поддержку всей громадной объединительной работы. Нам надо добиться, чтобы не было ни одной группы русских социальных демократов, которая бы О. К. отказывала в том, что она имеет право на товарищеское сближение с ними. Даже, считая своей первой и главной задачей подготовку и созыв общепартийного съезда, О. К. берет на себя и некоторую общепартийную функцию по обслуживанию движения. Мы уверены, что мы найдем на одного социального-демократа, который бы не признавал настоятельной необходимости этого расширения функций О. К. ибо это есть лишь расширенное предложение услуг, — предложение, которое может навстречу заявленным уже тысячами наших людей запросам, дать удовлетворения тем, кто нуждается в помощи, — правда, оказывать лишь посильное на практике из-за особенностей, являясь сообща за постановку ряда общих предпрятий. Наконец, мы считаем также совершенно правильными и уместными решительное заявление О. К., что дело съезда съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени. Это отнюдь не значит, конечно, что созвать съезд откладывали. Начега подобающего. Если говорить о настоятельности съезда, то мы можем бы сказать, что если бы не существовало этой минуты, а следовательно, не существовало наших условий жизни, то необходимость серьезного представительства всего движения и съезда, то и срок вполне, дадесяте больший не оставил бы прийти в умнение ни одного сколько-нибудь опытного работнику.

Пожелаем же всякого успеха делу скорейшего объединения и восстановления партии, докажем свое присутствие не только словами, но и немедленными делами свое и каждого, и да здравствует русская, да здравствует международная революционная социаль-демократия!

ЗНАЧЕНИЕ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ.

Всякий новый шаг, сделанный русскими пролетариатами в пути своего тактического развития, вызывает у нашей революционной среды новые споры по тактическим вопросам. Это является естественно и очень хорошо. Естественно — потому что новые шаги рабочего движения служат для нас новыми «уроками жизни», а уроки жизни настолько требуют опыта и истолкования. Хорошо — потому, что тактические споры создают этому истолкованию в тем же заблуждая нас, но одновременно жёстко от некоторых практических ошибок и от тех или иных разговоров, неизбежно служащих за практическими ошибками. Простая истина заключается в том, что споры являются необходимым условием всякого прогресса. Но спор должен быть ещё умнее не учёт. Чтобы можно было на основании этих споров правильно и полностью их использовать, необходимо прежде всего научиться понимать их.

Очевидно, что в отношении спортсменов, совершивших преступление, в спортивной среде не существует никаких преград. Многие из них продолжают выступать на соревнованиях, и это вызывает у нас большое сожаление. Мы считаем, что в отношении спортсменов, совершивших преступление, необходимо проводить жесткие санкции. Мы считаем, что в отношении спортсменов, совершивших преступление, необходимо проводить жесткие санкции. Мы считаем, что в отношении спортсменов, совершивших преступление, необходимо проводить жесткие санкции.

Результаты слушаний являются, между прочим, и **обвинения**, которые выдвигаются против нашего Движения. Эти обвинения подчас повествуют о ком-то. Так, например, один из "интеллигентов" (как иногда весьма неинтеллигентных) утверждает, что в на большом собрании революционеров упрекали **революционеров** за то, что они не поддерживают группировку коммунистическую, а поддерживают группировку коммунистическую, являющуюся с революционной истинной на подножье на перекрестке соборной стамбульской. Перед такими упреками можно не останавливаться. Всюду хвалят революционеров, а не трудящихся, что бытует в положении, когда агитаторы не могут не допустить. Но есть обвинение, являющееся более серьезным, чем все остальное.

Никоторые сторонники политической агитации находят, что Донской Комитет дурно поступает, не воспользовавшись волнением ростовской рабочей массы для устройства демонстрации. А иные идут так далеко, что приписывают ему, на этом основании, склонность к печальной памяти «экономике»⁴. Перед этим обвинением нельзя не остановиться, так как оно не только несправедливо, но и способно посеять ряд самых опасных тактических недоразумений.

Несправедливо его считают «журналистом», потому что он совершенно неграмотно изображает его события. Демонстрация в Ростове была и притом: очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась в четверг, 7 ноября, и окончилась только в пятницу следующего четвертого, а в тот день, когда состоялась послеполуденная демонстрация, в Ростове не было ни одного человека. Число участников этой величественной и необычайно продолжительной демонстрации, разумеется, не оставалось неизменным, но несмотря на всё колебание оно было очень велико, временами достигая до 30 и даже до 30 тысяч. Такими демонстрациями у нас еще никогда не бывало, и вот почему ростовские события составляют исключение. Демонстрация была необычайно величественная, и могла только та, которая, вообще не имеет значения и значения никакой агитация в рабочий массе.

[illegible]

Колоссальные ростовские собрания, в балк* не только представляют в своей совокупности чрезвычайно внушительную демонстрацию, но и свидетельствуют о том, что наша политическая агитация может и должна войти теперь в новую, необходимую и плодотворную фазу.

До сих пор у нас и в демонстрациях обычно было только одно отношение к власти — это отношение «героев» общества, которым была в одно и то же время и славилась и причиняла слабости нашего революционного движения. Герои продолжали перелетать толпы, крича: «Долой самодержавие!», «Долой красные флажки и, по мере возможности, отбывая от полководческих багнетов. Толпа преследуялась к месту мучительных» возгласов «героев», читая надписи на красных флажках, больше или меньше возмущалась полководческими зверствами и больше или меньше громко выражала свое отношение к демонстрациям. Но дальше этого дело не шло или шло очень редко. Чаше всего, толпа оставалась сама по себе, а герои сами по себе, и именно потому, что они не могли влиять на толпу, а толпа не могла влиять на героев, так что толпа подвергалась жестокой нападке со стороны толпы. А это приводило их к сомнению в целесообразности демонстраций, как альтернативного средства. Они — или, по крайней мере, некоторые из них, — говорили себе и другим: «стоит ли выходить на улицу для того, чтобы посяг на самого негодного из наших со-

[illegible]

Очевидно, мое интересное будет то, как по-прежнему переместятся, но теперь не перед московскими, а перед петербургскими, съ трибуны появится буржуазная наука, и веселю, что даже с прикраской человекоуниверсалистической налетистой окраски. Как помыту и как оцнить ее петербургские товарищи? и отъ этого, думаю, мы, завеситъ судьбу дельнаго зубатовскаго предпріятія въ Петербургѣ.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ РАБОЧИЕ.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н.-Новгородъ. Въ дополненіе къ корреспонденці, помещенной въ № 29 нашей газеты, приводимъ еще небезынтересныя данныя о впечатленіи, произведенномъ здѣшнимъ судомъ на демонстранта. Изъ одного письма:

Нечего говорить о том, что полиция страны оказалась, будто бы демонстрация перед судом. Штаты шпיוнов и коммюнистов были увеличены, ввиду по городу числу «смирных» наблюдателей⁸ увеличенных, окологородные и пристава разглагольствовали в двояком количестве. Даже торжественные начальники полиции, а также всевозможные агенты, которые несли за собой значимых, но складывались на 25-е демонстрации. Но Коммуна решил демонстрацию не устраивать, так как рассчитывать на большое количество участников было трудно (самое точное название суда было долго неизвестно и подготовлено массу к пониманию этого факта не удалось: листовки о суде вышестояли только за два дня до суда). Кроме того, наибольшее сознательное публики — это Сорамы, которых коммунисты считали самыми преданными при первом появлении коммунистически на пароходе. До суда были также выпущены листовки, где говорилось, что Ком. демонстрация не устраивается.

По городу было очень много разговоров о суде, по крайней мере, по интеллигентным слоям: царица недвояко только об этом и говорила. Но я на конках, на улицах, особенно на дне суда (четыре дня) слышал много толков об этом факте. Нечего и говорить, что отношение у всех было ответственное. Во многих местах собирались деньги путем лотерей, подписки. Во всех принимали участие и люди, кажется, своему положению ничего общего с протестом и демонстрацией не имеющие.

Обвиняемых привели в суд в 4 часа утра в вагона трамвая, по бокам которого скакали во весь опор конники как трамвая везли с быстрой молнии. Увели их в суд в 2-3 ч. ночи, при чем даже ночью немногих обывателей случившихся на совершенно пустынной улице, полиция просила не останавливаться и идти дальше.

В день суда на Покровьи публику усиленно просили замедлять шаги, а меготи, шедшие по той стороне улицы, чтобы суд, околоточные лаконически просили, перейти другую сторону*. И, как рассказывает один обыватель, «вспомнить, что у меня жена и дети, я покорно перешел левую сторону».

Въ общемъ, судъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе. Онъ имѣлъ громадное агитационное значеніе. Среди рабочихъ очень интересуются имъ и рѣшима товарищевъ. Въ Сормювъ говорятъ: „теперь мы не боимся пойти на демонстрацію“. Несомнѣнно, что будущая демонстрація привлечетъ, вѣроятно, очень много народу; настроеніе очень бодрое, и всѣ жаждаютъ настоящей дѣла и борьбы“.

Эти строки «достаточно ярко показывают», что «Партия Нар. Воли» смотрела на крестьянство, «как на *quantité négligeable*, как на чистый нуль в политическом отношении». Они показывают также — и не меньше, «ярко» — что если русская соц.-демократия в самом деле всего-навсего смотрела на работу в крестьянской среде, как бы условно безразлично трату революционных сил (мы не будем поспешить, в какой мере справедлив этот упрек), «то в этом случае она совершенно сходилась со своей предшественницей, «Партией Нар. Воли», и что, следовательно, никто тогда выгода исключительно на крестьянство демократическая «программы и теории», значить жестоко искажать истину. «Р. Рос.» именно и предаётся такому искажению. Очень может быть, что она делает это совсем сознательно. Но неважно — плотою, измученной

нашего неумолимого. Но несомненно — плохое извинение. Факты, приведенные нами, достаточно ярко показывают, что «социально-политическая» идеология международного социализма — «социализм» — не представляет собой «группы старых народов», а потому не может бы развитой в русских социалистах. «Социализм» — отнюдь не может быть революционным, демократическим по вопросу о самоопределении, революционным по вопросу о крестьянской работе, если бы только он остался вверен заглавкам старой «Партии Нар. Воли». Достаточно социал-революционеров, может быть, высказался бы по этому вопросу во втором смысле. Но какое практическое значение мог бы иметь взгляд человека, представлявшего колониально-социалистическую горючку русских вишней, живущих в аграрной России?

Дальше. Передъ нами лежитъ первая книжка „Вѣст. Русской Революцiи“, гдѣ, въ статьѣ „Наша программа“ (забудьте, читатель: программа), мы встречаемъ слѣдующія интересныя строки:

«Каково должно быть наше отношение к крестьянству? Не забудем, что в числ. политических приобретений крестьянских, «Нар. Воля» в период ее героической борьбы и заволашеванных со русскому движению, были отринуты и взгляды на деревню как на исходную точку демократического переворота, как на исходную точку революционной Нараяна. Влия подкрепляла важность общинных идеалов мукими, указывая на громадное значение аграрного вопроса для России. Но она не думала, чтобы революционная деятельность могла, по примеру прежних лет, искать отпора в деревне. И, по нашему крайнему удивлению, в тех пор не произошло здесь ничего существенно нового, что заставило бы нас отказаться от такого взгляда».

Изъ другого письма:

[illegible][illegible][illegible]

...сы перхоть шагов! Это чувствовалось, что судя от него пошла комедия. Одно время даже казалось, что сам предстель (70-леть чиновник!) почувствовать беконную разницу между высокой степенью личного достоинства обвиняемых (оры бывшей из глаза нисколько свидетелей. Так, когда отыскал (по парадоксальным) рассуждениям) единую угрозу, как его подкупали, склонили к доносу на товарищей, как вли арестов, как потом осуществили угрозы, как безобразно обращались во время заключения, как носил этого опыта и ступили к подучу... — представитель спросить: Я говорю Вам: Вот почему я отдал 300 руб. единовременно... Я бы хотел бы. Вы не чужды отказать... — «Я бы хотел» — было так сказано, что ответ сам собой выплыл: Конечно, я жечетким трудом».

Речь соровских рабочих была известна, поэтому сообщением Редакции «Истинника» — признать, что «возникновение сельской интеллигенции» сделало деревню доступнее для революционной пропаганды. Она не сомневалась также в том, что «демократический переворот, начавшийся в церквях интеллигенции и рабочими», был бы теперь более сознательно поддерживаем деревней. Но она твердо стояла на том, что инициатива переворота должна исходить от «боичих» и интеллигенции городов». И она думала, что «уместно было бы отделить революционную силу, работающую в городе, на пропаганду в деревне». Такое отделение, «пока» представляется «операцией, ртительнее неважного работорговца, дружненького натиска революционной армии на самодержавие».

Эти строки тоже достаточно ярко показывают», — если русские соц.-демократы и в самом деле провинились перед «мужиком» (а это, повторимся, покажет новая историческая справка), то вину их вполне разделяют люди, занимающие теперь очень видное место в «П. и т. социал.-рев.», и что этой партии очень полезно было вспомнить слова медведя под баней: «Зеркало и обезьяны».

Чем же комушеньку считать трудиться,
Не лучше-ли на себя, кума, оборотиться?

„Рев. Рос.“ негодует на съезд южно-русских соци-
организаций, который состоялся „можно сказать накануне“
грандиознейших крестьянских волнений на юге России,
который не намерен пугаться, заниматься крестьянскими
просьбами. Допустим, что ее негодование совершенно ос-
вательно, но вы помните, читатель, когда вышла первая
книжка „Восточная Русская Волна“? Она вышла в мае
1901 года. Это тоже „можно сказать накануне“ все тех
же „грандиознейших крестьянских волнений“. Мы за-
помним, что вышла — и в программе одной статьи, со-
ставляющей „Волну“, повсюду повторяется слово: „да-
ваящая“ „Волна“, повсюду повторяется слово: „да-
ваящая политическая переобретка“, где известие
принимает отрицательный взгляд: „Партия Рев. Волн“
не имеет „и категорически“ высказалась против, на-
пример, за крестьянство хотя бы и некоторой части револю-
ционных сил, работающих теперь в городах, —
очень ясно и советам недвусмысленно. Казалось бы,
„Рев. Рос.“ не могла пройти мимо такого заявления: на-
мало бы, что ее категорически обратил серьезное внимание
„политическое переобретение“, установленное „Восточно-
русской Рев.“ от „Партии Рев. Волн“ и рекомендуе-
модой этой изданию русских революционерам надле-

[illegible]

Защитник Лянгин угадал, повидному, общее настроение залы. Дрожащим голосом он начал говорить о большой искренности... Я, г. судья, уже старик, сущая сладой. Вы тоже. Нам же недолго жить. Перед нами же лучшая, симпатичная молодежь. Ей еще предстоит долгая жизнь, которую мы сейчас готовимся калечить своими приговорами. Подумайте же о будущем живущей молодежи, что она чувствует?» Видя, что в зале, как и во мне, возникло некоторое замешательство, г. защитник, ссутыны с ними толстенькими веревками. Мы читали те же книги, воспеивались на тех же идеях, выросли в той же обстановке, в той же атмосфере. Только то, что у нас остается в головах, то у молодежи немалобито переходит в дѣло. Ем-ля вина, что она честна, искренна, самоствержения, что она не такт, «благоразумена» и осторожна, как мы, старики... Рѣчь Лянгина приворожу далеко не досовно, но, тем не менее, она была, по моему мнению, неслучайно, что так чувствіе от всего процесса и, несомненно, уяснила мелочное чувство судей. И, правда, что им было дѣлать? Исно было, что все хотіла оправдать побольше человек, хотіла выказать побольше милости, но... разумеется, в предѣлах законности и прикѣнительно... В совѣщательной комнатѣ, по слухам, судья в недоумѣніи разводила руками. Видѣ ели судьи по закону за все то, что натворили на свои собственные, — ихъ надо приговорить кут... не к смертной казни, а если судья не согласен, то пусть не останутся закон... Конечно, оправданіе и не «всей строгостію закона», а «чѣм-то средним», что, очевидно, было указано сверху.

Нижнегородский суд оказывал революционному делу громадную услугу. Посредством суда правительство само давало революционерам рядкий случай одержать громадную моральную победу. На сцене суда фигурировали гнусное и грязное насилие (свидетели), слабое, колеблющееся правосудие (судьи) и сильные, чистые, сильные духом представители светлой и жизненной идеи — обвиняемые. Какое-то, казалось, точно нарочно созданная такой черной, грязной фойе атмосферы, атмосферы «темной России» и «темных, грязных, шлюх-шаманов», атмосферы «темно-розовых, темных, драхмских статистов-судей», чтобы выделить, возвысить представителей молодой и чистой России, чтобы контраст был больше, чтобы моральная победа была сильнее. Как не дорого куплена победа, мы можем быть довольны судьей, а обвиняемый товарищам отнюдь так дала такое наглядное нравственное удовлетворение, какое редко кому из насмысленных приходится переживать.

Из частного письма одной из осужденных за Саратовскую демонстрацию. ...Скажу несколько слов о своем положении. 7 ноября меня осудили по процессу о Саратовской демонстрации на поселение с лишением прав и вечно. Конечно, ничего не бывает вечно, и я в это не

*) Ланингъ выступалъ по дѣлу 5 мая, и потому рѣчь его относилась только къ интеллигентамъ.

дней; казалось бы, наконец-то, обратив на это «проблему» свое просвещенное внимание, она должна была отнестись к «течению» — выраженное «Вистником», к числу тех, «течений русской религиозно-социалистической мысли», которые «категорически отрицали возможность и целесообразность работы в деревне». Но вышло совсем иначе. «Шиньель» — социал-демократов, «Рев. Рус.» — ни одним словом не обмолвилась о «Вист. Русск. Рес.». Почему? Не потому ли, что ей неприятно было на себя оборотиться? Можете быть. Но в таком случае гад же справедливости?

Нам, скажут, пожалуй, что редакция «Вест. Р. Рев.» все-таки не совсем отрицала возможность и целесообразность работы в деревне: ведь она, горячо приветствовала, однако пропаганду в деревне со стороны тех элементов, которые самым образом помогли занятию приключений, так сказать, из ней¹). Вероятно, на основании этого горячего приветствования редакция «Вестника» сочла даже возможным сказать, что «ея отношение къ земледѣльческому классу не основано на отрицаніи революціонной дѣятельности въ деревнѣ», хотя «жуждо увеличеніи результатов ея при теперешнихъ условіяхъ⁽¹⁰⁰⁾». Читатель подумает, может быть, что именно на этомъ основании «Рев. Рос.» и не зачислила редакцию «Вест.» во вѣдомств., тѣхъ теченій русской революціонно-соціалистической мысли, которые¹ и проч. и проч. Но въ такомъ случаѣ читатель ошибется. Дѣло въ томъ, что, признавая желательность революціонной пропаганды въ крестьянствѣ со стороны революціонныхъ элементовъ, которые привязаны къ деревнѣ по своей профессіи, редакция «Вестника» только повторила, въ 1901 году, то, что сказано было шестнадцать лѣтъ тому назадъ въ программѣ группы «Освобожденіе Труда», родоначальницы русской соц.-демократіи. Стадо быть, съ этой стороны взгляда «Вестника» не отличается отъ взгляда указанной группы. И если ужъ миловать редакцію «Вестника», то надо было помиловать и группу. А «Рев. Рос.» не только не милуетъ этой группѣ, но кидаетъ въ ея огородъ камушекъ презрительной ироніи, зачищая, что нѣкоторые изъ «теченій», сбихаясь съ толку своими «теоріями и программѣми», въ лучшемъ случаѣ допуская работу въ крестьянствѣ, лишь для лица, стало обстоятельство приключеній въ деревнѣ¹. Дѣло, стало быть, что такое допущеніе не составляетъ въ ея глазахъ даже и самаго низшаго, мѣлчайшаго обстоятельства. Но тогда почему же

* Вести, кн. I, цзвз, статья, стр. 12-13. ** Тамъ же, стр. 13.

редакция этого подана в редакцию в редакцию в редакцию

